

0017

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

ПОЭМЫ
ПРУЗИИ

Тифлис 1921г

1. III.

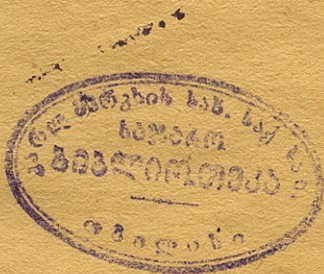

8сг-1
ПОЭТЫ
ГРУЗИИ

6897.
~~R 208.431~~
~~3~~

3
1X

составил
НИКОЛАЙ МИЦИШВИЛИ

С. С. Р. Г.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИФЛИС.

Настоящая книга является отражением грузинской поэзии последнего десятилетия в лице наиболее ярких ее представителей.

В эту книгу не вошли многие поэты не характерные для поэтических исканий и достижений последних лет.

Даже печатаемые авторы не представлены с достаточной полнотой.

Второе издание „Поэтов Грузии“ пополнит все пробелы этой книги, являющейся первой попыткой ознакомления русских поэтов и русской читающей публики с новой грузинской поэзией.

Ноябрь 1921 г.

Григорий Робакидзе.

Верблюд.

Двугорбый выкидыш сухой и жаркой пыли.
Кошмар пустынь, медлительный верблюд.
Тебя обрывки шерсти обдают
Лохматым пламенем зажженной карамфили.

Брезгливой важностью глаза твои запыли
Тая кокетки постаревшей блуд,—
И сплин мечтателей, что храмы создают
На выпветшей, но солнечной могиле.

Люблю следить я твой ленивый бег
Над знойным народом Аравийских рек,
Когда сгибаю шею, как Химера

С заплесневелой жвачкой на губах
Меланхолично ты взрываешь прах,
Деля тоску бродяги Агасфера.

Григорий Робакидзе.

Пан.

Голые горы дремлют:

Солнце надменное жадно и с каждым мгновеньем

хмельней.

Медленным лалом рассыпались кудри огней.

Сон сладострастный окутал застывшую землю.

Саван горячий струится в просторы.

Зной жаркотелый блестящими ризами стал.

Дремлют голые горы:

Солнца разрыхлились угли на грудях скал.

Золы рдеют в огнях притаенных...

Ярки цвета в переливах подков раскаленных,

Лал, бирюза, изумруд и топаз.

С залитой кровью листвою вырастают растения

Солнечным блеском рожденные в знойных томлениях.

Нежится час:

На раскаленных камнях ящеры греясь легли.

Змей пестроглазых замертво замерли кольца.

Пан разметался пестомно и дремлет под яростью солнца.

В огненных обручах пышет зевота земли.

Недвижны кони в леса темной чаше

И взгляд их скошенный сквозь бденье сны следит.

В куделях пламени взвиваясь Я горит.

Дробятся лики в призраках блестящих.

Века назад. Я здесь к земле приник,

Себя теперь я вижу: я-двойник.

Огонь полудня также был неистов.

Молчанье тяжелое, как ныне, было мглисто.

Могу ли думать, что вся жизнь моя

Обременные воспоминанья „брата“?

Уходят дебри дум в далекие края.

Быть может: этой думой жил другой когда-то.
Что ж это значит?
Красный конь трепещет, ноздри раздувая,
Топчется, храпит—вот сейчас ускачет.
Я прыжком могучим на него взлетаю,
В тот же миг, как будто треснул зной пред нами:
Хохоча пронесся козлоногий бог.
Черный ветер встал с камнями, с деревьями,
С гор ковры тысячеглазые совлек,
Как знамена подхватил—и разодрал.
Дебри темные, бирюзовотелые,
Ощетинились и скошен их оскал.
Поднялися запахи смрадные, горелые,
Паралич хватил весь мир.
Как на буйный пир
Вдаль несется конь мой вихревой.
И преград не знает пред собой.
Громным топотом грохочут кони.
Жарко в беге ржанье табуна.
Дробно плещет ритм копыт в затоне.
Перед нами, где река черна.
Вот-влетели.
Воды подняты телами.
Затошляют, озверели,
Миг один—и погрузились с головами..
.....
Зашаталось солнце обезглавленное,
Окровавленное.

Григорий Робакидзе.

Поэту Франции.

Твой гений опален жестоким метеором.
Зерном безумия ты сходишь в тайный люк.
И гнезда злых химер разрушены вокруг,
Когда летаешь ты, как мышь по темным норам.

Тебя влечет к себе Астарта пьяным взором,
Дионис-сифилис в тебе взбесится вдруг.
Твой позвонок дрожит ко дню Суда и мук.
Твоим стихом пленен Конь Блед в видении скором

В утопших кошках вновь засветит лунный яд,
Свершают на тебя набег ночные чары.
Землей язвленный—ты падучею об'ят

В твоих губах хаос засохнет пеной ярой,
Пес солнца на заре твой лижет мокрый рот.
В твоих сонетах бред рокочет и поет.

Григорий Робакидзе.

Эшафот на частоколе.

Повешенная на частоколе скрипка.
 (Эпилепсия, бред и страшный Рок).
 Здесь каменеет злых очей улыбка
 И завершается желаний всех поток.
 Но голове коня любезен мир изменный.
 (Ужасен треснувший его бесносый лик).
 И пасть открытая безумья помнит пену,
 Пасть, что змеенышу дает гнездо-тайник.
 Сеть сплина ткет паук на ледяном скелете.
 (Больному времени бесцельный скучен путь).
 На рассеченном лбу теней астральных сети.
 Здесь странной повести узнает странник жуть.
 И ржанья двойника он ждет: ко звуку жаден.
 (Патмос—тот остров злой ужасен для мечты).
 Ужели всадник-смерть не будет беспощаден,
 Ужели ^{с не} кинет мир он в беснуду пустоты.
 Когда земля в родах стонат не будет боле,
 (На узком западе сломится солнце вдруг).
 Заржет в последний раз тот конь на частоколе.
 Сухую головой, источенной вокруг.

Паоло Яшвили.

Красные быки.

Красных быков

С золотыми рогами

Мы восхваляем стихами

Богов.

Красное видение,—в горящих цветах,

Ждет восхваления в хороводных словах.

Полднем горящая дрожь настает

Солнце палящее—жжет хоровод.

От пламени безумствует страна. Взлетает к небу стон.

Земля, рогами взрытая, пьяна. И воздух раскален.

Бык заслоняет море нам. Все в золотой пыли.

Крыла молитвы пламенной раскрыться не могли.

И к солнцу раскаленный бык взлетает за быком.

Прорежет воздух буйный крик громовым серебром.

Кто может огненным быкам вести спокойный счет.

Земля суровой стала к нам, все солнцу отдает.

Пусть в стоне неутихнувшем пылает вся страна,

Огонь, легко возникнувший, все сушит до черна.

Он должен красным знаменем к нам летом путь стремить.

Леса разрушит пламенем, пустынной сделать твердь,

Затем, чтоб в хоровод один нас всех соединить.

Карает слабых властелин и красную плет смерть.

Красных быков с золотыми рогами,

Вас, чье явленье вселенную жжет,

Мы восхваляем святыми словами,

Соединяясь в один хоровод.

Паоло Яшвили.

Тициану Табидзе,

Кошмары буйные нам гибелью грозят.
Дай причаститься мне, молящемуся ныне.
Пьянящий фимиам, как благовонный яд
Нас, оглашенных. взнес к торжественной святыне.

Пьерета грудь твою завяжет тряпкой синей.
Оставив балаган, ты ласке нежной рад.
Твои шафранные стихи меня разят.
Дитя и царь! Твой герб—Халдея в рдяном силине.

Дороги заняты. Мы к хатам держим бег.
И мчится за тобой вослед Святой Георгий,
Как командор. В дыму полночных тайных оргий
Чахоточный Лафорг зажег тебя навек.

Пригрезятся тебе: отец, вино и лебедь:
Бес мокрый, Франция и звезды в бурном небе.

Паоло Яшвили.

Павлины в городе.

Зной окутал город. Солнце затопляло
Мысли и терзало их в потоке алом.
Змеями обвито, страшно и кроваво,
Проливалось кровью едкою в канавы.
Зной окутал город. Экипажи мчались,
За избыток счастья солнце укоряли.
И одне лишь кошки, дикою душою
Отдаваясь страсти, радовались зною.
Небеса сияли синевою блеклой,
Точно пыль струилась по разбитым стеклам.
И толпа, в одежды жаркие одета,
Двигалась в быстрых переливах света.
Стлался мутный дым, где фабрики стонали,
И больные псы по улицам лежали.
А коты на крышах кошек зазывали.
Каждый купол в небо острый крест воздвиг,
Устремленный словно огненный язык.
Проносились кони, трепетно дыша,
И пестрели зонты, медленно кружась,
Колыханье ярких, праздничных знамен,
Тени бархатных деревьев со всех сторон,
И среди слепящих очи галлерей
Груды золотые, блеск цветных камней.
Красного дракона бешенство растет.
„Воздух загорелся“—кто то вопиет.
И по воле солнца, ниспадая в дол,
Воздух красными павлинами расцвел.
Их явление было красным ураганом,

Резкий крик звучал раздробленно и странно,
На крылах кипела кровь, и птицы выли,
Точно в огненных котлах они пребыли,
Где железо, плавясь, крылья обжигало:
И во всей вселенной места им не стало.
Их тела сверкали кровью и огнем,
Словно гнал их кто—то солнечным мечем.
Клювы жадно рвали голубое тело
Воздуха, и стая в город прилетела,
Чтобы стоном новым улицы стонали
От безумья солнца и его печали.
Город обезумел, гулом напоенный:
Вкруг дерев раздался треск ветвей зеленый,
Изрыгали толпы стоны и проклятья,
И дома пылали в огненных об'ятях.
Быстрые трамваи с гиком пролетали.
А павлины криком истовым кричали.
С крыш высоких кошки низвергались глухо,
И коней слепых распоротое брюхо
Со столбов горящих ужасом томило.
Вопль стоял над миром и жара палила.
Засверкали кровью алой троттуары
И колоколов поспешные удары
В вихре знойно—красном где—то зазвучали.
Всех рассеял ужас. И одни остались
Мертвецы; а небо в паре влажном скрылось.
В красной дреме стихло все и притаилось.

Купола сверкают золотою ризой .
И в туманах дали призрачны и сизы.
Мокрую, кровавой, рваную тряпичей
На ветвях повисли солнечные птицы.

Тициан Табидзе.

Петербургъ.

Дикий ветер мчится с островов
В улицы, нарытые картечью,
Зябнут проститутки с пьяной речью.
Тень Эдгара бродит меж домов.

Злее в прошлом не было часов.
Грубых песен слышен смрад далече.
И кровавые в болоте плечи
Кто запомнит для безумных снов.

В Мойке сгнили трупы моряков,
За-сердце схватился Всадник Медный.
И голландец призрачный готов
В бесдну пасть, разбухший вдруг и бледный.

Лает в высь Андреем Белым чорт.
В хриплый хаос Петербург простерт.

Тициан Табидзе.

Валериану Гафриндашвили.

Твой храм молитвенный—всегда Эскурриал.
Твоя фантазия в котле варилась Гойи.
Как рыцарь темноты, ночей зажженный в зное,
На адской улице ты в сумраке рыдал.

Взлюбив Офелию, навек ей верен стал—
Ужель безумие достигнет роковое?
О, новый Моисей, с Пурпурным Морем в бое,
Ты, как уздой, стихом упрямый гнешь Дарьял.

Воздвиг из двойников убитых на дуэли
Ты холм. Но Мальдорор к тебе нещадно строг.
В борьбе с тобою я.—Кто удержать бы мог!

Закаты так твои вовек не пламенели.
Халдеи отблески и надо мной горят,
Но нас лишь имена поэтов ослепят!

Тициан Табидзе.

Король балагана.

Откуда пришел я к вам—мне известно,
Я помню страну, где солнце жгло плечи.
У меня был Предтеча великий, чудесный:—
Сам Спаситель был мне предтечей.
Когда не пою—на душе моей радость
Не хочу судить современников строго,
Старинных заветов запомнил я святость
И люблю молиться забытому Богу.
Жонглера звездами, мага—поэта
Вспоминаю песни ночью я чутко.
Просыпаюсь в огнях ресторанного света.
Мне в петлицу приколет нарцисс проститутка,
Хрипло стонет вблизи оркестор истушленный,
Негр хмельной танцует, шатаясь,
Я изорванный весь, я пристыженный
Позвонив, бегу от лакеев скрываясь.
Так, быть может, умру я, король балагана.
Королем я был на земле неизменно.
Не забудьте поэтов, что умерли рано,
Что о Боге томились смиренно.

30
Тициан Табидзе.

1/2
Бирнамский лес.

Бирнамский лес. Призрак Халдеи.
 Лорд Пьеро сутулится сильней.
 Лэди Макбет сидит бледней
 На коленях у пьяных гостей.
 Черти Рэмбо взвалили на плечи.
 Он тянется к скришке мертвой ногой.
 Самоубийц пирует вече.
 Шлет Моураву вызов свой.
 Преследует желтого малайца.
 За ним павлинов цветной ураган—
 Паоло. Офелия шатается:
 Пощечину Гамлету дал Валериан.
 А на виселице построен
 Полуумный воздушный храм.
 Разлюбив, я в душе спокоен
 Всех мучительней Мэри улыбается нам...
 Коломбина... Кашель чахоточной пери...
 И свистящий ноябрь запечатал двери.

Тициан Табидзе.

Сатурн и Малярия.

Допрашивать себя я стану раньше Вас:
Согнули душу мне мучительства какие?
Все миги горькие сойдутся в некий час.
Два круга есть: Сатурн и злая малярия.
От юных дней мне лишь Реквием зовет.
Возсядут звездами на ветхом небе жабы.
Рвут мухи мертвые той паутины свод,
Что мне сорочкой быть мистической могла бы.
Земли родной судьбу и муки без конца
Я нынче позабыл (считайте дерзким это).
Все очи мне твердят о слепоте отца,
Он плачет обо мне в том мраке без разсвета.
В тени усадьбы я мечту о счастье знал.
И мне мерещился свой дом — очаг священный.
Среди скитаний злых всю жизнь я разметал
И в знак величия ношу свой горб надменный.

Валериан Гафриндашвили.

Куафер.

Немею пред зеркальной бесдной,
Накрытый белой простыней.
И с дрожью тайной, бесполезной
Глаза вперяю в призрак свой.
Опять мелькает куафера
Рука с сверкающим ножом.
И трудно не потупить взора
Перед любезным палачом.
Вот бритву он приблизил к шее...
Как белый саван — простыня.
Но мой двойник еще белее —
Двойник, вперившийся в меня.
Мы друг на друга без пощады
Глядим из далей роковых
И странно скрещивая взгляды,
В испуге опускаем их.
Мне куафер ланиту ранит.
Едва я сдерживаю крик,
Но вздрагивать не перестанет
Мой окровавленный двойник.

Валериан Гафриндашвили.

Пятый закат.

На закате столики для баккара расставлены.
Сам Калпостро управляет картежной музыкой.
В бирюзовые язвы его пальцы оцараплены—
Друг на друга закатных бесенят науськивает.

И уже Паганини маячит скрипичным профилем,
Фистулой заслоняет желанное зарево.
И мой бедный взгляд миражем обескровленный,
Потянулся иволгой в райское марево.

Скрестили шпаги призраки перед воздушным табором.
Скорпион человека разит крылами длинными.
Не осилит ночь багряных кошек заговор.
Ядовитые вороны насытились дневными рубинами.

И в последнюю минуту надменный Ашордия
Торопливо сдает колоду хрустящую.
Чердак земли потемнел, а призраки с горя и одури
Парики бросают в воду бурлящую.

Валериан Гафриндашвили.

Вечер.

На картины Врубеля эти тучи похожи
Будто шлейф извивается предо мной троттуар
И улыбки гетер в этот миг стали строже,
Стройно грезят в плену сине—матовых чар.
Посмотрел на закат— тот же вспомнился Врубель,
Мне безумный представился вновь Михаил.
И печальна вечера странно—ранняя убыль,
Слышно веянье черных и полуночных крыл.
Бледный вечер, как лебедь, уплывает в ночное...
Снова нет у мечты, снова нет маяка.
Я иду—одинок в электрическом зное,
Катафалки минут надо мною—пока.
Бледный лебедь ушлыл, провожаемый мною,
И под небом Врубеля я остался один.
Я желал бы уиться чаровницей—луною,
Как Прекрасною Дамой молодой паладин.
Но безумный на небе господствует Врубель,
Словно выставку там он устроил свою
И прекрасна вечера странно—ранняя убыль,
Словно ангелы плачут в высоком раю.

Валериан Гафриндашвили.

Паоло Яшвили и Тициан Табидзе.

Встает духан средь мутных грез.
В нем Паганини тайномудрый
Торгует краской для волос,
Золу сбывает вместо пудры.
И к чародею в ранний срок
Пришла чета богемы праздной,
Чтоб голубой найти цветок
В кунеткамере многообразной.
В кольце опаловом поет
Гетеры призрак обнаженный.
Колдун за скрипку выдает
Газели окорок сожженный.
Дает сутулый Тициан
За пару рыжих крыс задаток.
Мышами желтыми карман
Набил Паоло в блеске радуг.
Факир, очерчивая круг,
Готовит яды без ошибок;
Поэтов пьяных ловит вдруг,
И вешает их вместо скрипок.

Валериан Гафриндашвили.

Эмилю Верхарну.

Средь грозных призраков, сопутствующих мне
В великолении дня и в бедне ночи скромной,
Одним лишь обликом я опьянен вполне,
То облик твой, Верхарн, галлюцинат бесдомный!

О, лебедь города, чьи крылья неистомны,
Всегда стремящийся к хрустальной глубине
Безумий роковых, но преданных луне—
И ты в моих мечтах разбился Тенью Темной,

Глухонемая смерть—кровавый твой двойник—
Тебе предстала там, среди вагонов ярых,
И вновь развеялась в блистательных кошмарах.

И ты в сапфировый от нас ушел Тайник.
Но где бы ни был ты—в ветрах или в зефире,
Одной торжественной могилой больше в мире.

5

Կոլաւ Նադիրաձե.

Автопортрет.

Я азиат. Мне очи давит бред.
Мне кружит голову экватор дальный.
Львы ищут логовищ—горды, фатальны.
Их лапы на песке оставят след.

Пред Индией склоняюсь я—поэт.
Кумиры там глядят в поток хрустальный.
Но волны северных морей печальны.
Ауто-дафе, века. Дороги нет.

Явился миру с носом я разбитым.
Лицо урода, полных губ овал.
Брожу с тоской по градам именитым.

Когда б Христос мне душу разгадал,
Ужель всегда я был бы тенью грешной—
Я—прокаженный, злой и безутешный?

Колау Надирадзе.

Катафалк.

Войду в Notre-Damme согбенный как Пуда,
 Злым сладострастьем улиц заклеюмен.
 Здесь каялся Верлен и жаждал чуда,
 Чтобы забыть грехов тяжелый сон.
 Как стравен взор икон во храме этом—
 На них глядеть я с трепетаньем стал.
 Черты молящихся горят закатным светом,
 Христовы ребра я со страхом сосчитал.
 Я Богоматерью пленен святою.
 Синьора! Ах, томится грудь моя.
 Заплачу вновь и эти слезы скрою,
 Несчастнее чтоб не казался я.
 Дождем ноябрьским улицы язвимы.
 Бездомным псам не суждено утех,
 Дрожат на катафалке серафимы—
 Везут покойника печальней всех.
 Как ночь длинна! С домов кто снимет крыши?
 Кто вспомнит нас? Кто сблизит в тайне грез?
 Стихи поэт здесь разрядит в затишьи,
 Но на жене горит туберкулез.
 И монолог себе шепчу я странный:
 Душа моя, вы бедное дитя!

საქართველოს
 ეროვნული
 ბიბლიოთეკა

Для вас все дни алмазные туманны:
Пойдем и сядем в лодочку, шутя.
Я причешу вам волосы золотые,
Как девочке, согрею ножки вам.
Коль ужасы догонят городские,
Уйдем, рассыпав зерна голубям.
И граммофон (его создатель вечен)
К нам донесется из домов порой.
И если день не будет быстротечен,
Лезгинку чванную пропляшем мы с тобой.

Галактион Табидзе.

Я и ночь.

Когда пишу я эти строки, полночь тает и горит.
 В окно мне ветер одинокий о рощах сказку говорит.
 И лунною окутан тенью, как легкой кисеею мир.
 Перед моим окном с сиренью играет ласковый зефир.
 Исполненный истомы страстной—рядами копий голубых—
 Весь небосвод пронизан ясный, как рифмами вот этот стих.
 И лунное свое сиянье льют сокровенные лучи,
 Творя мечту и обаянье и в бедном сердце, и в ночи.
 Томительной и дивной тайны давно душа моя—чертог,
 Ее не знает мир безкрайный, ее не знает ветерок.
 Как знать друзьям о муке вечной, таящейся в груди больной,
 Как знать, что в глубине сердечной схоронено навеки мной!
 И не похитит этой грезы миг самый сладкий у меня,
 Ни беспощадные угрозы, ни ласки, полные огня;
 Ни кубок, полный влагой сладкой, ни женский вздох в ночной тиши
 Не в силах взять того украдкой, что спит на дне моей души.
 Лишь ночь,—подруга думы поздней, лишь ночь, горящая в окне.
 Ту знает тайну, что мимозней в моей таится глубине.
 Ночь знает о пути тернистом, которым мне идти не в мочь.
 Теперь мы двое в мире мгlistом: мы двое в мире: я и ночь.

Галактюн Табидзе.

Луна „Мтацминды“.

Никогда луна так тихо в небе не сияла.
 В небе лира повечерья тени закачала,
 И в деревья их вплетает хороводом стройным...
 Я таким не помню неба нежным и спокойным.
 Словно ландыш, бледный бисер, отблесков сиянья...
 И как будто сновиденье от воспоминанья,—
 Вижу я—Куру, Метехи, снежно-онемелый...
 О, вовек луны не помню я—такую белой.
 Тень Акакия тут близко царский сон вкушает,
 На родимую могилу, как цветы, мерцают
 Звезды, розою, ромашкой,—весело-хрустально.
 Здесь бродил Бараташвили строгий и печальный.
 И пускай, что скорбный лебедь, в песне я изгасну,—
 Лишь пропеть, как ночь мне в сердце заглянула ясно,
 Как мечта раскрыла крылья к далям вечно-новым,
 Как привольно распускаться парусам лиловым;
 Как струит вечерний лебедь, чуя смерть, взнесенно
 Водопады роз на влагу озерного лона,
 Как их влагой—серебруются берега, озера,
 Как туманней все и глуше серебро узора:
 Как раскрылось мне, что сыну тех морей подлунных
 Смертный путь—цветами дышет, в перезвонах струнных,
 Что на этой лишь дороге—жар певца мятежный,
 Что вовеки не бывала ночь такую нежной;
 Что, теперь, святые тени, смерть встречаю с вами,
 Что поэт и царь, стораю звонкими стихами,
 Что пойдет в века за вами—этой лиры жребий.

С. Абашели.

Белый парус.

Мой плащ тяжелой ношей стал
И сжат тисками утомленья.
Гляжу на море. Я устал
Ночей и дней считать движенье.

Томительно привык я ждать;
Но даль пуста. Смежаю вежды.
И гробом сделалась кровать,
Где хоронил свои надежды.

И только в час, когда с тоской
Я мерил близкие пределы,
Вдруг промелькнул передо мной,
Вздымая волны, парус белый.

Николай Мицисвили.

Агония декабря.

Злой ветер на дворе, как скрипка декабря
И пляска белых дев кружится в поле плавно.
А в комнате моей лукавые горят
Сквозь синие очки глаза седого Фавна,
Подкравшись, обхватил колени паралич
И раскаленные впились в жилы клещи.
Болезни странной я услышу скорый клич
И лопнет череп мой от этих дум зловещих.
Мне страшно оттого, что начал забывать
Со дня вчерашнего я собственное имя
И леденеет мозг и стала остывать
Рудая кровь и я не властвую над ними.
Как листья тополя не пальцы ли дрожат?
Раскрашивает кровь уставших губ кораллы
И книги прежняя для глаз моих молчат
И мнится мне: близки последние провалы.
И жду я, что судьба меня повергнет ниц,
Что буду изгнан я и проклинаем звонко,
И шествие пойдет за мною пошлых лиц,
А лысые швырнут мне черепа в догонку.

Николай Мицишвили.

Автопортрет в гробу.

Искривленные губы дьявол целовал.
Давно изношен череп, плесенью опутан.
Раскрытых глаз росой изъеденный оскал.
И в пыльной бороде червяк могил запутан.

Нос провалившийся, гнилою ямой—рот.
Истлев, рассыпались и челюсти и зубы.
На пожелтевших щеках мутно-бур налет.
Сереет мрамор лба,—широкий, твердый, грубый,

Под мерный такт шагов качает головой,
Хрустит суставами в тяжелом, ровном гуде.
И гроб колыхается плывущею ладьей.
А позади идут—без шапок—люди, люди...

Николай Миццишвили.

Траурный марш.

Грозили Хеты здесь пустыне,
И солнце жгло Ормузд, шутя.
Брожу с толченым мозгом ныне,
Труп тела в невод превратя.
Здесь ум крещен был Византией,
Дремала Азия в огне.
А мысль в истоме движет выей.
Смотрю на землю в тишине.
Я обожжен теперь, быть может,—
От тела брошу головни,
Но червь иной мне пятки гложет.
Свой яд дают мне эти дни.
Кто дни изваял на могилах?
Их золотит жрецов собор.
И ветер нездешний ныне в силах
Смести души сожженный бор.
Меня, как грешного Адама
Сжимает ночь в тяжелый час.
Взмятет и с криком кинет прямо
Столетию в дырявый глаз.
Я чую иглы в нерве несяком.
Меня расплавит пламень злой.

Грядущего клейменный знаком,—
Я брошу миру череп свой.
Он будет в мире мой глашатай,
Расплещет росы алых ран,
Как мечь планете, горбом сжатой,
Поставит новый балаган.
Отпраздную я роды Змея.
И на груди взращу анчар.
Через позвонок гнилой,—немея,
Взойдет души истлевший пар.—

Николай Мицишвили.

Прощание.

Жине Мдивани.

Когда я свалюсь умирать под забором в какойнибудь яме
И некуда будет душе уйти от чугунного хлада—
Я вежливо, тихо уйду. Незаметно смешаюсь с тенями.
И собаки меня пожалеют, целуя под ветхой оградой.

Не будет процессии. Меня не украсят фиалки.
И девы цветов не рассыпят над черной могилой.
Порядочных кляч не дадут для моего катафалка.
Кой-как меня повезут одры, шагая уныло.

И кто допустит мои рубцы, нарывы и парши
Туда, где сословье святых ограничено строго.
Кто честно спасенных душ откроеет мне рай патриарший.
Друзья! Даруйте прощенье согрешившему много.

Поражена каждая клетка моя. Грехами гоним я,
И кровь моя погибает от примеси гноя.
И доброе имя отцов, землепашцев квадратное имя.
В похоть погрязло—не ведая больше покоя.

Мне ль плечистых крестьян нести ярмо родовое,
Добрую кровь отцов превратил я в укусы и зелье.
Сам догорел, как лучина в медлительном зное.
В свиденьях земли—я черный кошмар—не веселье.

Недонетые мысли мои сгорают в смятении заката.
Чудовищных мыслей помол хочу я докончить напрасно.
Нет у меня никого, ни друга, ни верного брата.
Хоть бы охульник какой ударил меня звонкогласно.

И ныне я—мертвый, босой, высохшим телом немея,
Должен висеть—дождями, безжалостным ветром терзаем.
На перекутыи миров в высокой сушильне чернея,
И богов проклинать хриплым, неистовым лаем.

Георгий Леонидзе.

Автопортрет.

Я варвар, я хазар, я сарацин,
У римских стен таран—гул динамитной дрои.
Горячей Русудан я уминаю ложе:
Пространств потерянных меня терзает силли.

Я услышал в себе старинный шелест крови.
Мне гроздя тучных чресл—Кахетии сосцы.
Над головой моей воскресных лун венцы.
И солнце держит мне свой пурпур наготове.

Стигматы расы я считаю как цветы.
Трибун парижских толп и вольный князь картвелов.
Знамена Грузии мне реют с высоты
И солнце в родовых походах поседело.

Кушель поэзии—мне—виноградный чан.
Я душу бросил в яд, как в сусло золотое.
Люблю близнец Рембо—я сумасбродство злое
Мне в предки Теймураз и Чавчавадзе дан.

Воскресная газель, косуля молодая—
Я черный Novemog последнего трамвая.

Шалва Амиреджиби.

Лезгинка.

Звук бубна мятежный
Тебя вдруг зажег.
Летишь в пляске нежной,
Как скрипки смычок.

И всплески ладоней
На платьях висят,
Тебя словно кони
По бархату мчат.

Слежу как бы в чаре
Я поступь твою.
Одна ты и в паре—
Считать устаю.

Шалва Амиреджиби.

Маскарад.

Весь дом об'емлет вечер мгlistый,
Мрак хочет окна задушить.
Ты сходишь с рамки золотистой,
Вия таинственную нить.

К тебе бегу я в сумрак знойный.
Твой стан об'ятем захлестну,
Из рук твоих—четы достойной—
Целую крепко лишь одну.

Все упоительные камни
Твой разукрасили наряд.
Среди других ты дорога мне
И равно в нас сердца горят.

И на плечах моих те руки,
Что Бога чтили средь сует.
Не знают косы те разлуки,
Как орнаменты Кашуэт.

В тот миг зажгутся люстры в доме,
Смычок застонет роковой.
Дрожу я в сладостной истоме,
Когда начнешь ты танец свой.

Я такт шагов твоих считаю.
Я до зари в мираже сна.
Дано мне вспомнить имена,
Но твоего не разгадаю.

Уж раздаётся звон хрустальный
Аврора в золотом огне.
Ты оставляешь танец бальный
С рукой, протянутою мне.

Хочу припасть к руке победной,
Но сокровенный гибнет сон.
Где лик томительный и бледный?
Остался в камне перстня он.

Иван Кипиани.

Зима.

Старик безумный появился вдруг
И белого коня оставил в поле.
Убитых лебедей ряды вокруг.
Кааба в высоте и храмы в ореоле.

С хрустальным смехом ржет Пегас.
Поля трепещут, в сумраке немея,
В гробу никто не виден в поздний час.
Кровь у домов сосут льядяные змеи.

Встает чернобородых пьяниц рой.
Они кричат и рвут подушек пену.
Пустыня поздняя рычит порой,
Как грозный лев, почувявший измену.

Убитых лебедей ряды вокруг.
Кааба в высоте и храмы в ореоле.
Старик безумный появился вдруг.
И привязал коня седого в поле.

Елена Дариани.

Среди пирамид.

Среди безмолвных пирамид,
В час солнца на песке я лягу золотоцветном.
Среди безмолвных пирамид
Желанье страстное меня томит:
Я жажду глаз твоих и рук в бреду заветном.
Тебя примчит конь аравийский.
С глазами томными от неги близкой,
На ложе рук твоих я упаду влюбленно
И буду ласк твоих рабою исступленной.
Как будут сладостны нам игры на песке!
Не вспомнит ничего наш дух воспламененный.
Но между пирамид заплачет конь в тоске—
Он к сфинксу подойдет и станет, им плененный.
Обрызганы песком, к реке пойдем мы синей,
Мы в волнах умирим горящих тел огонь:
И взором сфинкса утомленный, очнется конь,
И будет он искать свою любовь в пустыне.

Елена Дарнани.

Красочный сонет.

В томительной мечте я принца вспоминаю,
Он с поцелуем взял моей сорочки клоч.
Ведь вы любили все,—теперь настал мой срок—
И я всю радужность струн разноцветных знаю.

Для милых ног своих о стремя мечтаю.
Но каждый поцелуй лишь благо, не порок.
И мальчик—негр меня улыбкой ранить мог,
Торгуя фруктами в Каире, близком к раю.

Я счастье видела и не сказала „нет“
И пусть окутана я сетью золотою—
С глазами черными я родилась на свет

И для любви хочу пожертвовать судьбою.
Я принца белого пыталася вернуть,
Но с плачем видела коня прощальный путь.

Лели Джапаридзе.

С поезда.

Дин-дари-дан,
Дан, ре-зе-дан.

Локомотив и машинист! Быстрее мчитесь вперед.
Мне скучен долгий путь,
Перенесите вы меня
Куда-нибудь.
В лесу моей мечты—теней водоворот:
Как будто там балкон безумцами украшен.
Скорее машинист! Мне путь далекий страшен.

Дин-дари-дан.
Из каких стран

Навстречу поезд мчится мне?
Маркизы нет,
В глазах туман.
Маркиза в дальней стороне.
Риони.
Свири.
Аджамети.

Ау!.. Квирилы..
Ужели сам я стал ромашкой легкокрылой!
Но огненный цветок еще горит в груди.

За деревьями деревья несутся впереди:
Пусть будет ваш полет и для меня примером.

Теперь я глух ко всем испытанным химерам,
Даря мечту любви пройденному пути.

Вокзалы хмурые;
Где я, где Гурия!

Но если мысль моя должна в бреду сгореть,
Но если ночь звезду мою оденет ризой,
Ты дальше солнца все ж не можешь улететь,
И встречусь я с тобой в закатный час—маркиза!

Дин, дари-дан,
Дан, ре-зе-дан.

В лесах мечты опять теней водоворот.
Скорее машинист, скорей лети вперед!

Шалва Абхаидзе.

Sancta Maria

О, Sancta Maria, стою перед Тобой.
Так радует меня Твой лик печально-мглистый.
Молюсь Тебе. Ормузд отвергнут серебристый.
Дом без Тебя томит могильной пустотой.

И если нет Тебя—отчизна край чужой.
И скучен мне чертог сверкающий, лучистый.
Явилась тенью Ты и розовой и чистой.
О, Sancta Maria, задумчив облик Твой.

Я—пламенный грузин, несу Тебе моления,
Когда минувшее прочту в Твоих кудрях.
Мне в комнате Твой лик дороже откровенья.

Но превращается в сапфир, рубин и в прах
Икона странная. В слезах Твои ланиты.
Прими сию эмаль, как символ ласки скрытой.

Шалва Кармели.

Из сапфировых триолетов.

Уйдет и вновь придет, как стих, моя тоска.
Под пальцами певца заплачет сазандар.
В галопе строк опять звездятся рифм снега.
Уйдет и вновь придет как стих моя тоска.
И в лузу голубых небес издалека
Дни сладкие падут, как бильярдный шар.
Уйдет и вновь придет, как стих, моя тоска.
Под пальцами певца заплачет сазандар.

Րաբդեղ Գվեադզե.

Полночный восход луны.

Один раз закричал петух ночной, пустынный.
Мечтаний удила похитил черный Страх.
И тайная луна бросает невод длинный.
Один раз закричал петух ночной, пустынный
Твевожной ночи я впиваю яд старинный.
Лягушку душит змей в болотных тростниках,
Один раз закричал петух в ночи пустынной.
Преследует меня наездник черный—Страх.

Ной Чхиквадзе.

М.

„Господину Н. Ной Чхиквадзе здесь нет. Он живет в деревне“.

Почта газ. „Современная Мысль“

Кто же ищет, кто же любит, кто зовет меня?
 Я смотрю и горько плачу. Нет в очах огня.
 О, кровавой ночи холод и безлунный путь!
 Ты скажи мне в утешенье, друг мой, что-нибудь.
 И в деревне неизвестной я один пою.
 Но кому, кому поведать мне печаль свою?
 Близких не было, не будет. Никого не жду.
 Тайный друг, рукою нежной пробуди мечту.
 Полетел бы я, как птица, но в любой стране
 Стон страданий бесконечных будет слышен мне.
 Всюду бури, всюду громы, кровь и в тучах твердь.
 И в могиле жизни темной преждевременная смерть.
 Ты же знаешь, верно знаешь все, что я любил,
 Но священный дар из слабых рук я уронил.
 Где же молодости, счастья милые цветы?
 Их забросил рок жестокий в бездну пустоты.
 Кто зовет, кто хочет спорить, чья рука остра?
 Я ответить не в силах, брат мой, иль сестра:
 Небеса и вдохновеенье в поте славил я.
 Ждать чего же от поэта... О, судьба моя!
 Хочешь видеть? Я не помню, кто меня любил.
 Много дней в тоске и грусти даром погубил.

Мне страданье было братом, а печаль цветком.
Я любил борьбы и силы злой гремящий гром.
Кто ты, кто ты? иль бездомный, как и я грустишь?
Если так, то несомненно сердцу угодишь.
Спросишь: лиру почему же бросил я певец.
Подожди, сразиться с жизнью жажду наконец.
Я не там, но если любит, любит кто меня?
Я не умер, жив. Твой голос жажду слышать я.
Ночь в крови и я внимаю вещей тишине.
Чтонибудь, мой друг далекий, ты промолви мне!

Сандро Цирекидзе.

Сонет в прозе.

У пустынной дороги стояла хрустальная башня.
Когда бледнел закат заходящего солнца,
Запоздалые путники отдыхали у бронзовых дверей.
Солнцеликая приглашала одного из путников.
Избранник рассказывал ей свою жизнь.
Все видели драгоценные камни, большие города, царей.
Взрагивала в истоме красавица, утомленная сказкой.
Юноша опять следовал за своим караваном.

Однажды пришел из дальних стран босоногий путник.
Его воспламенил усталый взор Солнцеликой.
Нищий говорил о холодных ночах, о далях.

На рассвете опустела хрустальная башня
На пустынной дороге снова поют незнакомые путники
И торопливо проходят мимо разрушенной ограды.

СОДЕРЖАНИЕ.

Григорий Робакидзе.

Верблюд	пер. Татьяна Вечорка.
Пан	„ Сергей Рафалович.
Поэту Франции	„ В. Гафриндашвили.
Эшафот на частоколе	„ В. Гафриндашвили.

Паоло Яшвили.

Красные быки	пер. Татьяна Вечорка.
Тициану Табидзе	„ В. Гафриндашвили.
Навлины в городе	„ Сергей Рафалович.

Тициан Табидзе.

Петербург	пер. Сергей Рафалович.
Валериану Гафриндашвили.	„ Тристан Мачабели.
Король балагана	„ Татьяна Вечорка.
Бирнамский лес	„ Осип Мандельштам.
Сатурн и Малярия	„ В. Гафриндашвили.

Валериан Гафриндашвили

Куафер	
Пятый закат	пер. Осип Мандельштам.
Вечер	
Паоло Яшвили и Тициан Та- бидзе.	пер. Тристан Мачабели.
Эмилю Верхарну	

Галактион Табидзе.

- Я и ночь пер. В. Гафриндашвили.
 Луна Мтацминды „ Николай Бобырев.

Александр Абашели.

- Белый парус. пер. Сергей Рафалович.

Колау Надирадзе.

- Автопортрет пер. Тристан Мачабели.
 Катафалк „ Тристан Мачабели.

Николай Мицишвили.

- Агония декабря „ пер. Сергей Рафалович.
 Автопортрет в гробу „ Сергей Рафалович.
 Траурный марш „ В. Гафриндашвили.
 Прощание „ Осип Мандельштам.

Георгий Леонидзе.

- Автопортрет пер. Осип Мандельштам.

Лели Джапаридзе.

- О поезда пер. В. Гафриндашвили.

Шалва Амiredжисиби.

- Лезгинка пер. Тристан Мачабели.
 Маскарад „ В. Гафриндашвили.

Елена Дариани.

Среди пирамид пер. В. Гафриндашвили.
 Красочный сонет. „ Тристан Мачабели.

Шалва Абхаидзе.

Sancta Maria пер. Тристан Мачабели.

Шалва Кармели.

Из сапфировых триолетов . пер. Тристан Мачабели.

Ражден Гветадзе.

Полночный восход луны . . пер. Тристан Мачабели.

Ной Чхиквадзе.

Н пер. В. Гафриндашвили.

Сандро Цирекидзе.

Сонет в прозе

15-

T 965
2
3041150000
3020010000